

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ИХТИОСФЕРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИКО-ДРАМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА)

© 2014 А.С.Захарова

Волгоградский государственный аграрный университет

Статья поступила в редакцию 26.08.2014

В статье рассматриваются знаки ихтиосферы, денотирующие процесс рыбной ловли, объекты рыбалки и инструменты ужения, рефлексированные в поэзии и драматургии Уильяма Шекспира. Выявленные знаки определяются как прагматонимы и типологизируются в зависимости от тех функций, которые они исполняют в коммуникативном пространстве ихтиосферы.

Ключевые слова: вивероним, дискурс, знак, инструментатив, лингвосемиотика, локатив, прагматоним, ресурсоним.

*Who has no other meat is glad some fish to eat
William Shakespeare*

Ихтиосфера как лингвосемиотический феномен представляет собой обширную систему знаков, связанных с ловлей, разведением, обработкой и приготовлением рыбных и морепродуктов. Так же как и все подобные системы, ихтиосфера является гибким динамическим образованием, в ходе истории социума претерпевающим семиотические изменения в количественном и качественном отношении.

Как представляется, знаки, денотирующие объекты ихтиосферы, уже во времена Уильяма Шекспира на Британских островах составляли значительный по своему объему номинативный кластер, организованный в потребностно ориентированную семиотическую систему. Потребностная ориентация этих знаков носит прагматический (утилизационный) характер, таким образом, их следует отнести к классу языковых единиц, получивших в лингвистике наименование *прагматонимов*. Под прагматонимами понимается разряд онимов, в котором «...объединены различные категории имён собственных, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практической, предметной областью»¹. Н.В.Подольская трактует прагматоним как номинативную единицу, денотатом которой оказывается предмет или явление из сферы практической, повседневной (т.е., прагматической) деятельности

человека: продукты питания, предметы домашней утвари, мебель, одежда и др.².

Данный тип знаков имеет семиотический и этнокультурный характер; эти онимы «...относятся к реальным знакам внешнего мира, вместе с тем, они обладают особым, культурно обусловленным семиотическим “зарядом”. Речь здесь идет об этнокультурных коннотациях, вызывающих в сознании говорящего на национальном языке определенные ассоциации, обусловленные степенью его семиотической интегрированности в конкретный социокультурный континуум»³.

Прагматонимы как элементы потребностной сферы Н.И.Дорохова предлагает терминологически именовать ресурсонимами, а типы ресурсонимов, которые относятся к области питания (выживания) – виверонимами⁴. Таким образом, номинативные единицы ихтиосферы, вслед за исследователем, мы терминологизируем как виверонимы.

Знаки ихтиосферы способны «погружаться» в разнообразные типы дискурсов, главным образом, в профессионально-рыболовный, однако, вполне успешно «обживаются» и в иных, весьма разнообразных, дискурсивных пространствах, порождая всё новое дискурсоразвертывание.

В предлагаемой статье будет показано, каким образом осуществляется процесс «погружения» знаков ихтиосферы в такой специфиче-

⁰ Захарова Алла Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

E-mail: allazakharova2010@mail.ru

¹ Суперанская А.В. V.Blanar. Theoria vlastnego mena: Рецензия // Вопросы языкознания. – 1999. – № 3. – С. 43 – 50.

² Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В.Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: 1988. – С. 96 – 97.

³ Ермакова Л.Р., Седых, А.П. Языковая картина мира и прагматонимы «каша», «porridge» и «bouillie» // Вестник ИГЛУ. – № 2. – Иркутск: 2010. – С. 30 – 35.

⁴ Дорохова Н.И. Лингвосемиотика социальной дифференциации среды обитания англосаксонского и англо-норманнского этносов (V – XV вв.): дисс. канд. филол. наук. – Волгоград: 2013. – С. 54 – 67.

ский тип дискурса, которым является поэтико-драматургический. В нашем случае специфика данного речевого феномена заключается в том, что актуализация знаков ихтиосферы осуществляется в текстах идиостиля Уильяма Шекспира, великого британского поэта и драматурга.

Наш выбор не случаен: как свидетельствуют исследователи творчества Шекспира (Day; El-lacombe 2009; Wheeldon 1858), рыбопродукты, рыбная ловля и рыбаки внушительно представлены на страницах его комедий и трагедий. Так, доктор Джон Дэй, известный английский шекспировед в своей статье «Шекспир-рыболов» («Shakespeare the Angler») отмечает, что шекспироведы обнаружили около двухсот упоминаний классиком рыбы и рыбной ловли – «...the scholars have sifted from Shakespeare's works about 200 allusions to fish and fishing»⁵. В этой же работе автор упоминает о целом репертуаре видов рыбы, нашедшем место на страницах произведений Шекспира:

«Some of these refer to sea fish like mackerel and herring <...> Shakespeare also refers to freshwater fish – to salmon, trout, pike, dace, carp, tench, loach, gudgeon, eels and minnows, fish which he may once have caught <...> If he did fish in his youth, before he moved to London, he might have caught pike, bream, roach, chub, dace and carp from the Avon, and, though illegally, trout from the nearby River Dene»⁶.

Ихтиономинации широко репрезентированы в поэтико-драматургическом дискурсе комедий и трагедий Шекспира. Приведем ряд примеров.

В «Двенадцатой ночи» Мария называет смешливого Малволио «...the trout that must be caught with tickling» («...форель, которую ловят щекоткой». Пер. М.Лозинского).

В «Отелло» Яго говорит про Дездемону, что она умна настолько, что «не сменит, как обмен ни прост, тресковый хрящик на лососий хвост» – «...to change the cod's head for the salmon's tail» (Пер. М.Лозинского).

Щука (среднеанглийская номинация *luce* = *pike*) оказывается в «Виндзорских насмешницах» («The Merry Wives of Windsor») инструментом каламбура, основанного на омонимии и омофонии; когда Слендер и Шеллоу обсуждают фамильный герб тугого на ухо сэра Хью Эванса, последний путает щуку со вшами (*louses*), а герб (*coat*¹ [of arms] = An arrangement of bearings, usually depicted on and around a shield, that indicates ancestry and distinctions) –

с камзолом (*coat*² = A sleeved outer garment extending from the shoulders to the waist or below):

Slender: All his successors gone before him hath done't; and all his ancestors that come after him may: they may give the dozen white luses in their coat.

Shallow: It is an old coat.

Sir Hugh Evans: The dozen white louses do become an old coat well; it agrees well, passant; it is a familiar beast to man, and signifies love.

Самуил Маршак при переводе, для того, чтобы сохранить эффект каламбура, заменил щук на ершей, а вшей – на горб:

Слендер: Все наши покойные потомки были джентльмены, и все наши будущие предки будут джентльмены. Они носили, носят и будут носить двенадцать серебряных ершей на своем гербе!

Эванс: Двенадцать серебряных вшей на своем горбе?

Шеллоу: Да, на своем старом гербе!

Эванс: Я и говорю, на своем старом горбе... Ну что ж, человек давно свылся с этой божьей тварью и даже видит в ней весьма хорошую примету: счастливую любовь, говорят.

Плотва (*dace*) и щука (*pike*) – номинации, появляющиеся в тексте пьесы «Генрих IV»; философствуя о человеческих отношениях, Фальстаф использует образ щуки, глотающей приманку в виде плотвы:

Falstaff: Well, I'll be acquainted with him, if I return; and it shall go hard but I will make him a philosopher's two stones to me: if the young dace be a bait for the old pike, I see no reason in the law of nature but I may snap at him. Let time shape, and there an end» (Что ж, я непременно заведу с ним знакомство, когда вернусь, и будь я не я, если он не станет для меня обоими философскими камнями сразу. Если молодая плотва служит приманкой для старой щуки, то я не вижу, какой закон природы может мне помешать проглотить его. Придет время, увидим. Пер. В.Морица и М.Кузмина).

Дж. Дэй замечает, что во времена Шекспира карп являлся символом хитрости и изворотливости:

«People regarded the carp as cunning, and one book published a little before Shakespeare's time claimed that the carp even "holds seaweed in its mouth at the bottom of the water, so as to get over the net and escape"»⁷. Не случайно, поэтому, что в «Гамлете» Полоний на свой лад произносит поговорку "Tell a lie and find a truth", бытовавшую в те времена: "Your bait of truth takes this carp of truth." (Полоний: И примечай, как на приманку лжи ты рыбку истины поймаешь. Пер. А.Кронеберг).

Семантику хитрости номинация *carp* обнаруживает также и в комедии «All's Well That

⁵ Дэй Д. «Шекспир-рыболов» («Shakespeare the Angler») [Электронный ресурс] Режим доступа: http://compendium.legiodra-conis.com/fishy_heraldry.html (24.07.2014).

⁶ Дэй Д. «Шекспир-рыболов» («Shakespeare the Angler») ...

⁷ Дэй Д. «Шекспир-рыболов» («Shakespeare the Angler»)

Ends Well» («Все хорошо, что хорошо кончается»): шут сравнивает карпа с изворотливым котом:

«Here is a purr of fortune's, sir, or of fortune's cat, but not a musk-cat, that has fallen into the unclean fishpond of her displeasure, and, as he says, is muddied withal: pray you, sir, use the carp as you may; for he looks like a poor, decayed, ingenious, foolish, rascally knave. I do pity his distress in my similes of comfort and leave him to your lordship» (Вот как мурлыкает Фортуна, мессир, или Фортунин кот! Только уж никак не мускусный кот! Он упал в грязный садок ее немилости и, говорит, весь вывалялся в грязи; прошу вас, поступите с этой рыбой как вам будет угодно; выглядит он как бедный, обнищавший, хитрый, глупый мошенник; будучи сам обласкан Фортуной, я сожалею о его несчастье и оставляю его на попечение вашей светлости.
Пер. Т.Л.Щепкиной-Куперник).

Вивероним «пескарь» (gudgeon) также не обойден вниманием классика: в Золотой век Елизаветы Великой пескарь семиотизировал образ простака, доверчивого, глупого и наивно-го человека. Таким образом, становится ясным, почему Грациано в «Венецианском купце» (The Merchant of Venice) заявляет:

Graziano: I do know of these
That therefore only are reputed wise
For saying nothing; when,
I am very sure,
If they should speak, would almost damn those ears,
Which, hearing them, would call their brothers fools.
I'll tell thee more of this another time:
But fish not, with this melancholy bait,
For this fool gudgeon, this opinion.
(Грациано: О мой Антонио, иной ведь умным
Сльвет лишь потому, что он молчит.
Заговорив, он ввел бы в грех людей –
Они его называли бы болваном.
В другой раз я скажу об этом больше,
Но брось ловить на удочку тоски
Такую славу – пескаря шального.
Пер. О.Э.Мандельштама)

Рыбалка в произведениях Шекспира часто выступает в качестве тропа: так, Дж. Дэй прямо говорит о том, что для Шекспира ужение рыбы является метафорой обмана людей:

«At any rate, he seemed to have fishing lodged in his mind. He uses "angling" repeatedly in the sense of catching people»⁸.

Например, в «Гамлете» главный герой представляет себе, что его отчим «хитро забросил сети», чтобы погубить его жизнь:

Does it not, think'st thee, stand me now upon
He that hath kill'd my king and whored my mother,
Popp'd in between the election and my hopes,
Thrown out his angle for my proper life,

And with such cozenage – is't not perfect conscience,
To quit him with this arm?
And is't not to be damn'd,
To let this canker of our nature come
In further evil?
(Ну что?
Теперь довольно ли меня задели?
Тому, кто отравил отца-монарха;
Кто мать развратил; кто ловко втерся
Между избраньем и моей надеждой;
Кто так хитро свои забросил сети
На жизнь мою – с ним рассчитывать
Не вправе ли моя рука? Не грех ли
Терпеть, чтоб эта язва истребила
Все тело до костей? Пер. А.Кронеберг)

Там же находим еще один ихтиотроп, метафорически репрезентированный парадоксом: «A man may fish with the worm that hath eat of a king, and cat of the fish that hath fed of that worm» (Дело возможное – удить червяком, который ел короля, и скушать потом рыбу, проглотившую червяка. Пер. А.Кронеберг).

Бертрам, герой комедии «Все хорошо, что хорошо кончается», беседуя с королем о прелестях своей жены Хелены, использует образ рыбной ловли как метафору женской уловки:

King: She hath that ring of yours.
Bertram: I think she has: certain it is I liked her,
And boarded her i' the wanton way of youth:
She knew her distance and did angle for me,
Madding my eagerness with her restraint.
(Король: Вы ей дали перстень?
Бертрам: Ну что ж, не скрою: ею я увлекся,
Ухаживал за ней с задором юным;
Она ж держалась и меня ловила,
С ума сводя своим сопротивленьем.
Пер. Т.Л.Щепкиной-Куперник)

Рыбалка в произведениях Шекспира становится метафорой человеческих взаимоотношений: так, известный советский шекспировед Александр Аникст, размышляя о достоинствах творчества великого драматурга, написал следующее: «Уж на что плох, по мнению критиков, «Перикл», но даже, в этой сравнительно слабой пьесе Шекспира есть сильные места. В пьесе говорится о бедствиях, которые приносят народу голод и война. А вот как рассуждает в той же пьесе рыбак, когда приятель его спрашивает: «Как это рыбы живут в море?» – «Да живут они точно так же, как и люди на суше: большие поедают маленьких. Посмотри, например, на богатого скрягу: чем не кит? Играет, кувырывается, гонит мелкую рыбешку, а потом откроет пасть и всех их, бедненьких, одним глотком и сожрет. Да и на суше немало таких китов: откроет пасть и целый приход слопают, да и церковь с колокольной в придачу...»⁹.

⁸ http://compendium.legiodra-conis.com/fishy_heraldry.html (24.07.2014).

⁹ http://www.e-reading.ws/chapter.php/69984/77/Anikst_-_Shakespeare.html (25.07.2014).

В «Зимней сказке» («The Winter's Tale») Поликсен метафорически рассуждает о женских уловках как о закидывании удочки: «That's likewise part of my intelligence; but, I fear, the angle that plucks our son thither» (Я слышал то же самое. Боюсь, это и есть та удочка, на которую попался мой сын. Пер. В.Левика). Там же один из персонажей-джентльменов использует рыбалку и рыбу в качестве метафоры эмотивного воздействия: «One of the prettiest touches of all and that which angled for mine eyes, caught the water though not the fish, I would fain say, bleed tears» (Но самым трогательным было другое – то, что *выудило* из глаз моих если не *рыбу*, так целый поток слез. Пер. В.Левика).

Урсула, героиня комедии «Много шума из ничего» («Much Ado About Nothing»), пытается обмануть подглядывающую и подслушивающую Беатриче, сравнивает это занятие с рыбалкой и приманкой, а саму проказницу – с рыбкой:

Ursula: The pleasant'st *angling* is to see the *fish*
Cut with her golden oars the silver stream
And greedily devour the treacherous *bait*.
So angle we for Beatrice, who even now
Is couched in the woodbine coverture.
(Урсула: *Удильщичку* всего приятней видеть,
Как *рыбка* золотыми плавниками
Вод рассекает серебро, чтоб жадно
Коварную *приманку* проглотить.
Так мы сейчас поймем Беатриче,
Что в жимолости притаилась там.
Пер. Т.Л.Щеткиной-Куперник)

Приманка (bait) как метафора также занимает большое место в семиозисе пьес Шекспира. Например, Клаудио из «Много шума из ничего», советует Леонато, как досадить дону Педро: «Bait the hook well. This fish will bite» (Насаживайте приманку на крючок: рыба сейчас клонет. Пер. Т.Л.Щеткиной-Куперник). В «Мере за меру» Анджело, говоря о дьяволе, способном соблазнить святых образом прекрасной женщины, также использует рыболовную приманку как метафору, о чем свидетельствует наличие ихтиознаков to catch, bait и hook: «O cunning enemy, that, to catch a saint, with saints dost bait thy hook!» (На крюк лукавый враг святого ловит приманкою святой! Пер. М.Зенкевича).

Семиотика ужения рыбы тесно связана с семиозисом водного пространства: в произведениях Шекспира находим огромное количество референций-локативов, связанных с образами водяного потока, речной и морской глади, с неспокойной водяной поверхностью – рябью на речной воде и морским штормом. Так, у Шекспира находим множественные упоминания названий британских рек – Трента, Уэя, Северна, Темзы (the Trent, the Wye, the Severn, the Thames). В его работах никогда не упоминается

река Эйвон, на которой стоит его родной город – Стрэтфорд-на-Эйвоне. Очевидно, поэт, обласканный вниманием столицы и королевы Елизаветы, стремился забыть о своем провинциальном прошлом.

Флюэллен, герой «Генриха V», утверждает, что форель водится в двух известных ему реках:

«There is a river in Macedon; and there is also moreover a river at Monmouth: it is called Wye at Monmouth; but it is out of my prains what is the name of the other river; but 'tis all one, 'tis alike as my fingers is to my fingers, and there is salmons in both»

(«В Македонии есть река, и в Монмуте точно так же имеется река; в Монмуте она называется Уай; но вот как называется та, другая река – у меня совсем вылетело из головы. Но все равно, они похожи друг на друга, как один палец моей руки на другой, и в обеих водятся лососи. Пер. Е.Буруковой).

Чаще всего Шекспир упоминал безымянные речки и ручьи с быстрым течением; об этом нам напоминает Дж. Дэй: «What he did offer, however, were loving descriptions of unnamed rivers and, especially, streams»¹⁰. В его произведениях находим такие, семиотически значимые упоминания водяных потоков. Например, в комедии:

«Как вам это понравится» («As You Like It») обнаруживается образ «мурлыкающей воды» («The rank of osiers by the *murmuring stream*»); в «Сонетах» солнце «золотит поверхность бледных вод» («Gilding pale streams with heavenly alchemy»); в поэме «Венера и Адонис» Адонис купается, и «...when he beheld his shadow in the brook, the fishes spread on it their golden gills» (Когда же тень его стекала вниз, в ручей, то рыбки в ней сияли чистым золотом. Пер. В.Ладогина).

В «Генрихе IV» обнаруживаем образ пузырящейся воды в ручье: «The beads of sweat have stood upon thy brow like bubbles in a late disturbed *stream*». В «Гамлете» появляется речной поток, в водах которого тонет Офелия: «There is a willow grows aslant a brook that shows his hoar leaves in the glassy *stream*» (Там ива есть: она, склонивши ветви, глядится в зеркале кристальных вод. Пер. А.Кронеберг). Наконец, в «Двух веронцах» («The Two Gentlemen of Verona») Джулия, умоляя свою служанку не выдавать ее и дать возможность сбежать с возлюбленным, сравнивает себя с ручьем:

The current that with gentle murmur glides,
Thou know'st, being stopped, impatiently doth rage.
But when his fair course is not hindered
He makes sweet music with th'enamelled stones,
Giving a gentle kiss to every sedge
He overtaketh in his pilgrimage.
And so by many winding nooks he strays

¹⁰ http://compendium.legiodra-conis.com/fishy_heraldry.html (24.07.2014).

With willing sport to the wild ocean.
(Скользкий тихо по лесу ручей,
Запруду встретив, буйством закипает,
Но если не мешать его течению,
Он плещет мирно по камням блестящим,
Целуя каждый стебель камыша,
Встречающийся волнам в их дороге,
И, кончив путь, еще прозрачен, кроток,
Вливается он в бурный океан.
Пер. В.Левика)

Подведем итоги. 1) Семиозис англоязычной ихтиосферы характеризуется высокой степенью номинативной насыщенности, а также высоким

потенциалом образования образных элементов в текстах поэтико-драматургического дискурса, что и было продемонстрировано на примере произведений Уильяма Шекспира. 2) По своему качеству знаки англоязычной ихтиосферы представляют собой прагматонимы-ресурсонимы, при этом в проанализированных текстах нами были в основном обнаружены виверонимы (наименования рыб), процессивы (ужение и рыбная ловля сетью), инструментативы (удилище, наживка, сеть) и локативы (наименования водных угодий).

LINGUISTIC SEMIOTICS OF ICHTHYOSPHERE IN THE ENGLISH POETIC AND DRAMATIC DISCOURSE (AS EXEMPLIFIED IN W.SHAKESPEARE'S WORKS)

© 2014 A.S.Zakharova^o

Volgograd State Agrarian University

The article is devoted to the signs of ichthyosphere, presenting the process of fishing, fishing facilities and fishing tools, reflected in William Shakespeare's poetry and plays. The identified signs are defined as pragmatonims and characterized according to their functions which they perform in the communicative ichthyosphere space.

Keywords: viveronim, discourse, sign, instrumentative, linguistic semiotics, locative, pragmatonim, resource unit.

^o *Alla Sergeyevna Zakharova, senior lecturer of Department of Foreign Languages. allazakharova2010@mail.ru*